

**РУССКИЙ НЕОКАНТИАНЕЦ
О НАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИДЕАЛЕ
В ЕВРАЗИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

*Н. А. Дмитриева*¹

Позднейшие автохарактеристики Н. Н. Алексева о его независимом отношении к современным ему философским течениям дали повод исследователям считать, что философские основания его мировоззрения далеки от неокантианских принципов философов. Между тем внимательное прочтение его философских и публицистических работ, а также изучение архивных материалов и генезиса его взглядов позволяет причислять его к русским неокантианцам, многие из которых шли в дальнейшем собственными интеллектуальными путями, сохраняя, однако, ряд значимых неокантианских референций. Обращение Алексева к вопросу о народном политическом идеале обусловлено его увлечением в 1920–1930-х гг. евразийством, но подходы к этой теме наметились еще в период двух революций 1917 г. и Гражданской войны. Анализируя текущую политическую ситуацию, Алексей обратил внимание на то, как анархические предпочтения народа в отношении управления общественной жизнью и народные же представления о социальной «правде» связаны с идеей самодержавной монархии, доминировавшей на протяжении значительного периода русской истории и воспроизводимой даже в случае народного бунта. В своих размышлениях о русском народе Алексей соединяет неокантианское учение о ценностях с концептуальными установками «психологии народов» (*Völkerpsychologie*), сохранявшей свое влияние на интеллектуальную жизнь по крайней мере вплоть до Второй мировой войны. В заключение показана связь между немецкоязычной статьей Алексева «Происхождение политических идеалов русского народа» (1931), переводы которой на русский и английский

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 20.08.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-6

**A RUSSIAN NEO-KANTIAN ON THE
PEOPLE'S POLITICAL IDEAL
FROM THE EURASIAN PERSPECTIVE**

*N. A. Dmitrieva*¹

The later self-assessment of Nikolai N. Alekseev concerning his independence from the philosophical trends of his time led researchers to believe that the philosophical foundations of his worldview were remote from the Neo-Kantian principles of philosophy. And yet, an attentive reading of his philosophical and public writings, as well as the study of archive materials and the origins of his views, warrant the conclusion that he was among the Russian Neo-Kantians, many of whom would subsequently follow their own intellectual paths while, however, preserving some significant Neo-Kantian references. Alekseev's focus on the question of the people's political ideal was conditioned by his involvement in the movement of Eurasianism during the 1920s and 1930s; but there are signs that he was edging toward this theme already during the period of the two 1917 Russian revolutions and the Civil War. Analysing the political situation of the time, Alekseev drew attention to the fact that the anarchic inclinations of the people concerning the running of public life, as well as the people's views on the social "truth-justice", were linked to the idea of autocratic monarchy, an idea which had been dominant for much of Russian history and was apparent even in cases where the people revolted. In his reflections on the Russian people, Alekseev links the Neo-Kantian doctrine of values with the principles of "folk psychology" (*Völkerpsychologie*) which influenced intellectual life at least until the Second World War. In conclusion, I demonstrate the connection between Alekseev's German-language article "The Origin of the Russian People's Political Ideals" (1931) – Russian and English translations of which are included in this issue of the "Kantian

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.
Received: 20.08.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-6

языки публикуются в данном номере «Кантовского сборника», и текстами 1917–1919 гг., переработанными в 1927 г. для журнала «Путь».

Ключевые слова: Н. Н. Алексеев, русское неокантианство, психология народов, евразийство, политический идеал, русское зарубежье

1. Введение.

Был ли Николай Алексеев неокантианцем?

Фигура русского неокантианца-евразийца Николая Николаевича Алексеева (1879–1964) стоит, на первый взгляд, в стороне от магистрального пути, которым шло неокантианство. И его статья о политических идеалах русского народа (Alexejew, 1931), перевод которой публикуется в данном номере «Кантовского сборника», тому, казалось бы, яркое подтверждение. Написанная в период увлечения автора евразийством, она воспроизводит скорее общие принципы «психологии народов», чем неокантианский метод. Однако по крайней мере два обстоятельства заставляют удержаться от категоричных суждений. Во-первых, среди евразийцев были и другие авторы, вышедшие из неокантианства, подобно Василию Эмильевичу Сеземану, или же обращавшиеся для обоснования своих размышлений к неокантианским концепциям, подобно Владимиру Николаевичу Ильину (см., например: Ильин, 1931). А во-вторых, стартовые условия философского развития Алексеева весьма схожи с теми, в которых шло становление других русских неокантианцев. На втором пункте остановлюсь подробнее.

Выпускник Московского университета, Алексеев готовил свою диссертацию по кафедре истории философии права того же университета в неокантианских центрах, в течение 1909–1910 гг. посетив Берлинский, Гейдельбергский и Марбургский университеты, где слушал лекции и участвовал в семинарах Ало-

Journal” – and the 1917–1919 texts reworked in 1927 for the journal “Put”.

Keywords: Nikolai Alekseev, Russian Neo-Kantianism, folk psychology, Eurasianism, political ideal, Russia abroad

1. Introduction.

Was Nikolai Alekseev a Neo-Kantian?

At first glance, the figure of Nikolai N. Alekseev (1879–1964) does not belong to mainstream Neo-Kantianism, as apparently witnessed by his article about the political ideals of the Russian people (Alexejew, 1931), the translation of which is published in this issue of the “Kantian Journal.” Written at a time when its author was carried away by the idea of Eurasianism, it reproduces more the general principles of “folk psychology” than the Neo-Kantian method. But at least two circumstances caution us against being so categorical. First, there were other authors who emerged from Neo-Kantianism, like Vasily E. Sezemann, or who referred to Neo-Kantian conceptions to justify their own reflections, such as Vladimir N. Ilyin (e.g. Ilyin, 1931). Second, Alekseev’s philosophical background was very similar to those of other Russian Neo-Kantians. This second point merits a closer look.

A graduate of Moscow University, Alekseev worked on his dissertation from the seat of the University’s Chair in the history of the philosophy of right, in Neo-Kantian centres – he visited Berlin, Heidelberg, and Marburg universities from 1909 to 1910. There he attended lectures, and took part in the seminars of Emil Lask (*cf.* Dmitrieva, 2007, p. 155), Hermann Cohen, and Paul Natorp (*ibid.*, p. 197). The dissertation turned out to be moderately Neo-Kantian, in both its conception (*cf. ibid.*, pp. 198–200) and execution. In the preface, Alekseev (1912, p. xiv) himself

иза Рилия, Георга Зиммеля, Вильгельма Виндельбанда, Эмиля Ласка (Дмитриева, 2007, с. 155), Германа Когена и Пауля Наторпа (Там же, с. 197). Диссертация получилась умеренно неокантианской и по своему замыслу (см.: Там же, с. 198—200), и по исполнению. В предисловии Алексеев сам имплицитно признается в приверженности как марбургским, так и баденским неокантианским принципам философствования:

...симпатии автора всецело лежат на стороне «чистой логики». Однако я расхожусь с современной чистой логикой тотчас же, как она переходит в онтологию и метафизику. Действительность, во всем богатстве ее конкретного содержания, не может быть вполне вылита в рационально-логические схемы. Некоторое иррациональное начало является ее конститутивным признаком. <...> Моей основной идеей является тщательная дифференциация методов, и потому, не отрицая «морали долга», поскольку она идет навстречу этой тенденции, я с особой осторожностью отношусь к тем ее формам, которые создались под влиянием идеала рациональных наук. Автор — не этический индивидуалист... однако особый характер... безусловности [моральных велений] и особое отношение этики к проблеме «индивидуального» следует, по моему мнению, настоятельно подчеркивать (Алексеев, 1912, с. xiv).

В публикациях этих лет можно найти и более явные свидетельства симпатии Алексея к неокантианству. Так, в 1909 г. он критиковал статью Макса Вебера о Рудольфе Штаммлере (Weber, 1907) именно за то, что Вебер, поставив своей задачей «развенчать и уничтожить противника», не стал рассматривать «значение идей Штаммлера во внутреннем развитии новейшей неокантианской мысли» и тем самым «освободил себя от необходимости поднять вопрос на достаточную философскую высоту» (Алексеев, 1909, с. 4). Современниками он тоже воспринимался как представитель неокантианского на-

implicitly admits his adherence to both the Marburg and Baden Neo-Kantian principles of philosophy:

...the author's sympathies lie entirely on the side of 'pure logic'. But I am at variance with contemporary pure logic when it turns into ontology and metaphysics. Reality, in all the richness of its concrete content, cannot be cast in rational-logical schemes. A certain element of irrationality is its inherent property. [...] My core idea is thorough differentiation of methods, therefore, without denying "the morality of duty" inasmuch as it endorses this tendency, I treat with particular caution those of its forms which have been created under the influence of the ideal of rational sciences. The author is not an ethical individualist [...] but the special [...] unconditional character [of moral imperatives] and the special relation of ethics to the problem of "the individual" needs to be stressed.

Alekseev's publications of that period offer still more explicit evidence of his sympathy toward Neo-Kantianism. Thus, in 1909, he criticised Max Weber's article about Rudolf Stammler (Weber, 1907) precisely because Weber, having set out to "decrown and destroy the enemy", chose not to examine "the significance of Stammler's ideas for the internal development of the latest Neo-Kantian thought", thereby "relieving himself of the need to raise the issue to a sufficient philosophical height" (Alekseev, 1909, p. 4). Alekseev's contemporaries, too, saw him as a representative of the Neo-Kantian movement in philosophy. Vladimir I. Vernadsky (1912, p. 129), reviewing his dissertation, noted that "Alekseev's philosophical constructions" "ultimately go back" to Kant. A year after he defended his dissertation, Alekseev (1913) wrote an article criticising Leon I. Petrażycki's "psychological theory of right". This and other reviews, noted Andrzej Walicki, triggered in Petrażycki an "anti-Kantian obsession",

правления в философии: Владимир Иванович Вернадский в рецензии на диссертационную работу заметил, что «философские построения Алексева» «в конце концов восходят» к Канту (Вернадский, 1912, с. 129). На следующий год после защиты диссертации Алексева написал статью с критикой «психологической теории права» Л. И. Петражицкого (Алексеев, 1913). Эта и другие рецензии, как замечает Анджей Валицкий, вызвали у последнего «приступ антикантианства», после чего он «приступил к изучению Канта» (Валицкий, 2012, с. 343).

Симпатию Алексева к неокантианству можно документировать по крайней мере до 1919 г. В частности, в лекциях по правоведению, прочитанных им в Таврическом университете в 1918/19 учебном году, в связи с объяснением, что такое юридический нормативизм, обнаруживается его восторженный отзыв о философии Канта и баденского неокантианства. Иммануил Кант в нем определяется как

творец одной из замечательнейших философских систем, влияние которой в XIX веке было настолько значительно, что не поддается даже приблизительному учету современников. Возникшая во второй половине прошлого столетия особая школа истолкователей Канта, или неокантианцев, обратила особое внимание на идею нормы и на связанное с нею понятие долженствования. Идею нормы сделал центром специальных философских изысканий известный германский философ, один из выдающихся неокантианцев, Вильгельм Виндельбанд и школа его многочисленных учеников. Некоторые философские гипотезы Виндельбанда были прямо заимствованы юристами и послужили философской основой для юридического нормативизма. Так взгляд на право как на норму связал себя с одной из самых влиятельных новейших философских систем, — с системой Канта, о которой сложилось предание, что ее еще никому не удалось опровергнуть (Алексеев, 1919а, с. 33–34).

В то же время учитель Алексева Павел Иванович Новгородцев, обсуждая диссертацион-

such that he “embarked on a study of Kant” (Walicki, 1992, p. 282).

Alekseev’s sympathy toward Neo-Kantianism can be documented at least until 1919. For example, in lectures on the science of law delivered at Taurida University in 1918/19, explaining legal normativism, he eulogised the philosophy of Kant and Baden Neo-Kantianism. He referred to Kant as

the creator of one of the most remarkable philosophical systems, whose influence in the nineteenth century was so vast as to defy measurement. The school of Kant interpreters, or Neo-Kantians, which sprang up in the second half of the last century, drew particular attention to the idea of the norm and the related concept of ought. The noted German philosopher and an outstanding Neo-Kantian, Wilhelm Windelband, and the school of his numerous disciples, made the idea of norm the subject of separate philosophical research. Some of Windelband’s philosophical hypotheses were directly borrowed by lawyers and formed the basis of legal normativism. Thus, the view of right as norm became linked with one of the most influential, newest philosophical systems, the system of Kant, which, as legend claims, no one has yet disproved (Alekseev, 1919a, pp. 33-34).

At the same time, Alekseev’s teacher, Pavel Ivanovich Novgorodtsev, in discussing his disciple’s dissertation, praised his independence from philosophical authorities and his determination to move forward: in Novgorodtsev’s opinion, Alekseev had set himself the task of a “new synthesis” and was inspired by “the search for new paths” (Novgorodtsev, 1913, p. 717). Independence is clearly visible in *Essays on the General Theory of the State* published in 1919, in which Alekseev (1919b, p. 31n53) extols the importance of Neo-Kantianism (of the Marburg variety) in intellectual history: “Particular credit is due to Cohen’s school for managing to show the

ную работу своего ученика, хвалил его за независимость от философских авторитетов и желание идти вперед: по мнению Новгородцева, Алексеев в диссертации поставил себе «задачу новых синтезов», его воодушевляло «искание новых путей» (Новгородцев, 1913, с. 717). Эта независимость отчетливо прослеживается в «Очерках по общей теории государства», опубликованных в 1919 г., где Алексеев высоко оценивает значение неокантианства (причем марбургского) в интеллектуальной истории: «Особой заслугой школы Когена нужно считать то, что ей удалось показать глубочайшую связь данного толкования² Канта с предшествующей историей философии, в особенности же с историей идеализма. Замечательные исследования античной философии, в особенности же Платона, вышедшие из марбургской школы, открыли интимное родство между платонизмом и кантианством» (Алексеев, 1919б, с. 31, примеч. 53)³. Но отдавая должное фундаментальности и значимости философии Канта и ее неокантианских интерпретаций, Алексеев выступает и с их критикой (см., например: Там же, с. 23).

Последующие философские увлечения вели Алексева от неокантианства к евразийству и своеобразному экзистенциализму, но неокантианская «закваска» просматривается и в более поздних его сочинениях: в постановке проблемы ценностей, во внимании к историческим источникам, в стратегии обоснования собственных размышлений... Спустя годы сам Алексеев так описывал свое отношение к неокантианским философским школам: «Я

² Речь идет о том, что марбуржцы разрабатывали критическую методологию как «философскую науку о принципах» (Алексеев, 1919б, с. 23), следуя за Кантом, который «старался обнаружить принципы, лежащие в основании так называемого чистого, математического естествознания» (Там же, с. 22).

³ Замечу, что это родство было тем существенным моментом кантовской философии, который не в последнюю очередь привлекал к ней русских мыслителей, причем даже тех, кто обращался к Канту как к своему оппоненту с целью его опровергнуть.

profound links of this interpretation² of Kant with the preceding history of philosophy, especially the history of idealism. The superb studies of ancient philosophy, especially Plato, that emerged from the Marburg school revealed the intimate affinity between Platonism and Kantianism.”³ However, while giving due to the fundamentality and significance of Kant’s philosophy and its Neo-Kantian interpretations, Alekseev also criticises them (see, e.g., *ibid.*, p. 23).

Alekseev’s subsequent philosophical pursuits led him from Neo-Kantianism to Eurasianism, and to a peculiar kind of existentialism, but the Neo-Kantian undertow is felt even in his later works: in his treatment of the problem of values, his attention to historical sources, in the strategies for grounding his own reasoning, and so on. Years later, Alekseev thus described his attitude to the Neo-Kantian philosophical schools: “I learned a lot in Marburg, but I did not join ‘the Marburg school’ like Vysheslavtsev and Savalsky; nor did I join the Heidelberg school [...]. I tried, while borrowing a great deal from the foreigners (in particular the Germans), to create our own Russian national philosophy” (quoted from Dmitrieva, 2007, p. 200). It is true however that he wrote this many years after leaving Marburg, when he viewed the development of his own philosophical views through the prism of his later Eurasianism.

2. The Problem of the Political Ideal

2.1. The Pre-Eurasian (Kantian) Period

There is no doubt that Alekseev’s turn to the historiosophical problem of the political ideals

² This reference is to the fact that the Marburg school developed its critical methodology as “the philosophical science of principles” (Alekseev, 1919b, p. 23) following Kant who “sought to discover the principles underlying so-called pure or mathematical knowledge” (*ibid.*, p. 22).

³ It has to be noted that this affinity was not the least of the features of Kantian philosophy which attracted Russian thinkers, even those who challenged him.

многому научился в Марбурге, но не вошел в “марбургскую школу”, как вошел Вышеславцев и Савальский; не вошел и в школу гейдельбергскую... Я стремился, заимствуя много у иностранцев (в частности, от немцев), создать собственную русскую национальную философию» (цит. по: Дмитриева, 2007, с. 200). Правда, эти слова он писал спустя много лет после отъезда из Марбурга, когда становление собственных философских взглядов виделось ему сквозь призму последующего евразийства.

2. Проблема политического идеала

2.1. Доевразийский (кантианский) период

Обращение Алексева к историософской проблеме политических идеалов русского народа состоялось, несомненно, в результате тех радикальных исторических событий, в которые он был вовлечен силой обстоятельств и собственного выбора: Февральской и Октябрьской революций 1917 г., Гражданской войны и эмиграции. Первая рефлексия об этих событиях, их причинах и следствиях нашла яркое отражение в его статьях, опубликованных в еженедельном журнале «Народоправство»⁴, который в 1917 г. начал издавать «мистический анархист» Г. И. Чулков в Московской просветительной комиссии при Временном комитете Государственной думы, а также в книгах 1918–1919 гг. Многие идеи Алексева этих лет повторяются из публикации в публикацию, что позволяет считать их выражающими подлинную позицию автора в этот период, а не сиюминутную публицистическую реакцию «на злобу дня».

В первых же строчках статьи, открывающей второй номер нового журнала, Алексей задается вопросом об идеале русской революции, то есть о «символе веры» восставшего народа (Алексеев, 1917б, с. 2). Под «народом» он понимает прежде всего «великий крестьянский народ», который всегда был, как полагает Алексе-

of the Russian people was motivated by the radical historical events in which he became involved by force of circumstance and his own choice: the February and October revolutions of 1917, the Civil War, and emigration. His early reflections on these events, their causes and consequences, were vividly reflected in articles published in the weekly “*Narodopravstvo*” (“The People’s Rulership”),⁴ which was launched in 1917 by the “mystical anarchist” Georgy I. Chulkov at the Moscow Educational Commission under the State Duma Provisional Committee, as well as in books published in 1918–1919. Many of Alekseev’s ideas in this period are repeated in publication after publication, warranting the conclusion that they reflect the author’s strongly held position at the time, and were not merely “topical” comments on current events.

In the very first lines of the article that opens the second issue of the new journal, Alekseev (1917b, p. 2) raises the question of the ideal behind the Russian revolution, i.e. the rebellious people’s “profession of faith”. By “the people”, he means first and foremost “the great peasant folk” which, as he believes, has always been the subject of Russia’s history and which has “a great will for power”, as well as sympathy for the Cossacks’ free forces (Alekseev, 1917a, p. 6). His focus on the peasantry generally chimed with the ideas of those Russian Neo-Kantians (such as Dmitry O. Gavronsky, Ilya I. Bunakov-Fondaminsky, and Nikolai D. Avksentiev) who were involved in the activities of the Socialist Revolutionary Party that put its stake, above all, in the peasantry, the largest social stratum in pre-revolutionary Russia.

Alekseev (1917b, p. 2; 1918, p. 4) is convinced that the anarchic sentiments prevalent both in rural and urban Russia correspond to the very essence of the Russian

⁴Об этом журнале см.: (Богданова, 2018).

⁴About this journal, see Bogdanova (2018).

ев, субъектом истории в России и который имеет «великую волю к власти» и симпатию к «казацкой вольнице» (Алексеев, 1917а, с. 6). Его фокус на крестьянстве в целом соответствовал представлениям тех русских неокантианцев (например, Д. О. Гавронского, И. И. Бунакова-Фондаминского, Н. Д. Авксентьева), которые принимали активное участие в деятельности партии социалистов-революционеров, ориентированной в первую очередь на крестьянство как на самое многочисленное сословие царской России.

Алексеев убежден, что преобладавшие и в деревне, и в городе анархические настроения отвечают самой сущности русского народа: «Безграничный общественный простор, боязнь всяких принудительных и правовых форм характеризует наше социальное сознание в отличие от западного. Давно уже признано, что мы прирожденные анархисты. Анархия — это наша стихия...» (Алексеев, 1917б, с. 2; 1918, с. 4). Отличие русского анархизма от западного Алексеев видит в стихийности и массовости этого течения в России (Там же), что объясняется отсутствием у большей части народа политических и экономических ценностей, которые или формируются образованием, или вшиты в религиозное мировоззрение, как у западных народов (Алексеев, 1917в, с. 13).

Развивая тему анархизма⁵ как стихийно

⁵ Следует отметить, что Алексеев был хорошо знаком с неокантианской критикой анархизма, предложенной Штаммлером, который, по его мнению, первым поднял вопрос об анархизме «на общеполитическую высоту» и подверг это течение «сколь угодно принципиальному обсуждению и принципиальной критике» (Алексеев, 1909, с. 3–4; см.: Шавеко, 2021, с. 152). Алексеев «не считал излишним» появление этой брошюры Штаммлера в России в трех разных переводах (Алексеев, 1909, с. 4): «Анархизм: теория и критика» (СПб.: Началo, 1906), «Теоретические основы анархизма» (М.: Свободная мысль, 1906) и «Теория анархизма» (М.: Труд и воля, 1906). Кроме того, его друг и родственник (шурин) Борис Петрович Вышеславцев опубликовал за пять лет до революций 1917 г. в сборнике в честь Г. Когена статью, исходной проблемой которой послужило противоречие, фиксируемое и радикально «снимаемое» в анархизме, — противоречие между идеей государства и идеей блага (Wischeslavzeff, 1912, S. 191).

people: “Boundless social space, fear of any coercive and legal forms characterise our social conscience as distinct from that of the West. We have long been considered to be born anarchists. Anarchy is our element [...]” The difference of Russian anarchism from that of the West is that, in Russia, it is spontaneous and more widespread (*ibid.*), due to the fact that the vast majority of the people has no political and economic values which are either formed by education or are hardwired into the religious consciousness, as they are with Western peoples (Alekseev, 1917c, p. 13).

Elaborating the theme of anarchism⁵ as a spontaneously-formed, folk notion of the ideal political life, Alekseev (1917b, p. 2; 1918, p. 5) identifies two “opposite and even hostile” elements within this notion: “one of them is an ‘evil’ element of rebellion, the other is a groundless and romantic social idealism”. The first element is *revolt*, and is aimed at liberation from authority and coercion that it implies. Alekseev takes a very sober view of the people’s attitude towards political leaders: “For centuries we were guided by bad shepherds, such that we think that any leadership and any authority are inherently evil” (*ibid.*). No wonder the negating part of the anarchic ideal

⁵ It has to be mentioned that Alekseev (1909, pp. 3-4) was thoroughly familiar with the Neo-Kantian criticism of anarchism by Stammler who, in his opinion, was the first to elevate the issue of anarchism to “a general philosophical level”, and to subject this movement to “a discussion that is at all principled and to principled criticism” (*cf.* Shaveko, 2021, p. 152). Alekseev (1909, p. 4) did not think it was “superfluous” to have this brochure of Stammler’s published in Russia in three different translations: *Anarchism: Theory and Practice* (St. Petersburg: *Nachalo*, 1906), *Theoretical Foundations of Anarchism* (Moscow: *Svobodnaya mysl’*, 1906) and *The Theory of Anarchism* (Moscow, *Trud i volya*, 1906). Besides, five years before the revolutions of 1917, his friend and relative (brother-in-law), Boris P. Vysheslavtsev, published in a volume in honor of Hermann Cohen an article whose starting point was the contradiction that anarchism flags, and radically resolves, the contradiction between the idea of the state and the idea of good (Wischeslavzeff, 1912, p. 191).

сформировавшегося народного представления об идеальной политической жизни, Алексеев выявляет в этом представлении два «противоположных и даже враждебных» начала: «Одно из них есть “злое” начало бунтарства, другое беспочвенный и романтический социальный идеализм» (Алексеев, 1917б, с. 2; 1918, с. 5). Первое начало — *бунт* — направлено на освобождение от власти и связанного с ней принуждения, причем Алексеев весьма трезво оценивает отношение народа к политическим руководителям: «Дурные пастыри столетия руководили нами — и вот мы думаем, что всякое руководство, всякий авторитет есть безусловное зло» (Там же). Поэтому неудивительно, что отрицательная составляющая анархического идеала нацелена на избавление от любой власти, от всякого авторитета. Анализируя природу бунта, Алексеев показывает, что его участники не различают качество авторитета, его природу и роль в человеческой — индивидуальной и общественной — жизни, так что следствием их отказа от «авторитета» становится отказ от самого разума:

Начало безусловного бунта есть чисто отрицательный и творчески ничтожный принцип. Чтобы бунтовать со смыслом, надо знать, *во имя чье* бунтуешь. Авторитет принципа есть божество правого бунта... <...> Разве признание авторитета более разумного человека включает в себе что-нибудь плохое? И разве безусловному отвержению подлежит авторитет нравственный? <...> Бунтуя против авторитета вообще, анархия тем самым бунтует и против авторитета положительного, творческого (Алексеев, 1917б, с. 2; 1918, с. 6).

В период между Февральской и Октябрьской революциями Алексеев еще лелеял надежду, что по-кантовски понятый общечеловеческий разум (см.: В 780; Кант, 2006, с. 951) возобладает и поможет народу преодолеть анархическое «умонастроение» и его последствия:

is aimed at getting rid of any rule and any authority. Analysing the nature of such revolt, Alekseev (1917b, p. 2; 1918, p. 6) shows that the rioters fail to discern the quality of authority, its nature and its role in human — individual and social — life, as a result of which, in renouncing “authority”, they renounce reason itself:

Unconditional revolt is based on a purely negative principle that is creatively null and void. To revolt meaningfully you have to know *in whose name* you rebel. The authority of principle is the divinity of the right revolt [...]. What is wrong with recognising the authority of a more reasonable person? Is moral authority to be rejected? [...] In rebelling against authority in general, anarchy also rebels against authority that is positive and creative.

In the period between the February and October revolutions, Alekseev still cherished the hope that universal human reason in the Kantian sense (*cf. KrV*, В 780; Kant, 1998, p. 650) would prevail, and help the people overcome the anarchic “mindset” and its consequences:

Overcome the “devildom” of anarchy, recognise that authority is a positive force if it is based on reason! To recognise this means to recognise not only the authority of the inner voice of conscience, but the authority of another’s counsel, persuasion or ask; even the authority of power and coercion if reason speaks with their voice. When the Russian people realises this, it will bring new light to the European culture. Its idealism will be active, creative idealism and not meaningless rioting against all, not a drive toward bare destruction (Alekseev, 1917b, p. 3).

This “idealism” is precisely the second, positive, element of anarchism. It manifests itself in “love for a human being” and “love for the people” which underpins the naïve faith in a “social paradise” and “the good forces of the human spirit” (*ibid.*). The anarchist is

Свергнем «бесовство» анархии, признаем, что авторитет есть положительная сила, если в нем лежит разум. А признать это означает признать не только авторитет внутреннего голоса совести, но и авторитет чужого совета, убеждения, просьбы; даже авторитет власти и принуждения, когда их голосом говорит разум. Когда русский народ поймет это, он внесет новый свет в европейскую культуру. Идеализм его будет идеализмом деятельным, творческим, а не ничтожным бунтарством против всего, не стремлением к голому разрушению (Алексеев, 1917б, с. 3).

Этот «идеализм» и есть второе, позитивное начало анархизма. Он выражается в «человеколюбии и народолюбии», которые лежат в основе наивной веры в «социальный рай» и «добрые силы человеческого духа» (Там же), а также в основе анархического отказа от авторитета. Анархист убежден в принципиальном равенстве всех людей, или, если перевести на язык Канта, в способности каждого человека пользоваться собственным разумом без руководства со стороны кого-либо другого (см.: AA 08, S. 35; Кант, 2024, с. 48): «... истинно-совершенный социальный союз не может быть союзом властным. Идеальное общение должно быть таким, что в нем нет места авторитету одних и послушанию других, нет места власти и подчинению. Абсолютный общественный идеал есть поэтому общение безвластное, или анархическое» (Алексеев, 1919б, с. 167–168). Алексеев убедительно показывает, что такой идеал также является негативным, потому что не содержит разработанного представления о практической реализации идеи общественного равенства: «Фактически идеал чистого безвластия обычное свое воплощение находит в отрицании той формы властвования, которая именуется государством, мечты же о вечном статическом равенстве индивидуумов остаются, обыкновенно, весьма туманными представлениями о каком-то конечном идеале...» (Там же, с. 171).

convinced that all human beings are equal in principle, or, to put it in Kant's terms, that every person is capable of using one's own reason without guidance from anyone else (cf. WA, AA 08, p. 35; Kant, 1996, p. 17): "[...] a truly perfect social union cannot be a union ruled by authority. In ideal communication, there is no room for the authority of some and the obedience of others; no room for power and subordination. Therefore, the absolute social ideal is a communication without authority, or an anarchic one" (Alekseev, 1919b, pp. 167-168). Alekseev shows convincingly that such an ideal, too, is negative, since it lacks a developed conception of how the idea of social equality can be put into practice: "In fact, the ideal of pure anarchy is usually embodied in negation of the form of the exercise of power called the state, while the dreams of eternal static equality of individuals typically remain very vague notions of some kind of ultimate ideal [...]" (*ibid.*, p. 171).

In his course of lectures on the theory of right delivered at Taurida University in Crimea, Alekseev thus formulates a scientific challenge: "to revive the forgotten science of political ideals" (Alekseev, 1919a, p. 16). In his view, this area of social studies calls for close attention: "[...] each historical epoch and each people, except moribund peoples, have their own political ideals; and these ideals should be reasonably identified and formulated" (*ibid.*, p. 17). Because every people is a subject of history, Alekseev argues, its political life should be organised in a way that takes into account the state and the content of its political consciousness, since "in its underlying feelings and experiences the people cherishes what it considers to be just and true, while the scientist's task is to identify and formulate this political ideal" (*ibid.*). At the same time, Alekseev marks the methodological framework for such research, with an obvious reference to

В своем курсе лекций по теории права, прочитанном в Таврическом университете в Крыму, Алексеев формулирует актуальную научную задачу: «возродить позабытую науку о политических идеалах» (Алексеев, 1919а, с. 16). Это та область обществоведения, которая требует, по его мнению, особенно пристального внимания: «...каждая историческая эпоха и каждый народ, за исключением народов умирающих, имеют свои политические идеалы, и идеалы эти должны быть разумно опознаны и формулированы» (Там же, с. 17). Исходя из того, что именно народ является субъектом истории, для политической организации его жизни необходимо, согласно Алексееву, учитывать состояние и содержание его политического сознания, потому что «в своих глубоких чувствах и переживаниях таит народ то, что он считает справедливым и истинным, задача же ученого заключается в умении опознать этот политический идеал и его формулировать» (Там же). Одновременно Алексеев указывает на методологические рамки такого рода исследований, явно обращаясь к методологии баденского неокантианства, предполагающей разделение методов на идиографические и номотетические: «Идеалы можно обнаружить и описать, но нельзя доказать их так, как мы доказываем математические теоремы» (Там же, с. 18). Забегая вперед, можно сказать, что в немецкоязычной статье 1931 г. он предложил именно *описание* политических идеалов русского народа вкуче с прояснением их исторических истоков. Однако насколько обоснованно само это обобщенное понятие — «политический идеал народа», или «народный идеал»?

После Октябрьской революции лексика публицистических статей Алексеева заметно изменилась:

Мне начинает казаться, что так называемый большевистский режим субстанциально есть более *органическая* вещь, чем нам это в ослеплении нашем кажется. <...>

the methodology of Baden Neo-Kantianism, which distinguishes ‘idiographic’ and ‘nomothetic’ methods: “Ideals can be identified and described, but they cannot be proved the way we prove mathematical theorems” (*ibid.*, p. 18). Running ahead, it can be said that in his 1931 German-language article, he offered precisely a *description* of the Russian people’s political ideals, coupled with the clarification of their historical sources. But how well-grounded is the general concept of “the political ideal of the people”, or the “folk ideal”?

The vocabulary of his public articles saw a noticeable change after the October revolution:

I am beginning to suspect that the so-called Bolshevik regime is substantially a more *organic* thing than we tend to think in our dazzlement. [...]

In Bolshevism, to use old philosophical terms, the people’s soul or at least one of its elements, finally attained self-awareness and true national creativity. Whatever one may say, isn’t there colourful nationality in our internationalists? Has not Russia at long last started to speak the language of “Stenka” and “Emelka”⁶? The “soul of the people” has found itself and stands in awe of itself (Alekseev, 1917c, p. 13).

At first glance, this reference to the people’s soul and “Emelka’s” language may seem odd for yesterday’s Neo-Kantian weaned on German idealism and rigorous anti-psychologism; but this is only the first impression if one remembers that the founders of the main Neo-Kantian schools, Hermann Cohen and Wilhelm Windelband, as well as Georg Simmel who was close to Neo-Kantianism and meant just as much to Alekseev, started their path in philosophy with research into “folk psychology” (*Völkerpsychologie*), and published their early

⁶This refers to the leaders of the people’s uprisings of the seventeenth and eighteenth centuries, Stepan Razin and Emelyan Pugachev.

В большевизме, выражаясь старыми философскими терминами, душа народная или по крайней мере один из ее элементов дошли наконец до самопознания и до подлинного национального творчества. Что бы там ни говорить, а разве этой красочной национальности нет в наших интернационалистах? Разве не «стенкина» и не «емелькина» Русь заговорила наконец своим языком? «Душа народа» нашла себя — и остановилась в самоупоении (Алексеев, 1917в, с. 13).

Обращение к народной душе и «емелькиному» языку представляется на первый взгляд странным для вчерашнего неокантианца, возвращенного на почве немецкого идеализма и строгого антипсихологизма; однако только на первый взгляд, если вспомнить, что основатели главных неокантианских школ, Герман Коген и Вильгельм Виндельбанд, а также не менее значимый для Алексеева и близкий к неокантианству Георг Зиммель начинали свой путь в философии исследованиями в области «психологии народов» (*Völkerpsychologie*), а их ранние статьи выпускались в «Журнале о психологии народов и науке о языке» Морица Лацаруса и Хаймана Штейнталя⁶. В период философского становления самого Алексеева начала выходить 10-томная «Психология народов» (1910–1920) Вильгельма Вундта, за работами которого Алексеев следил и на которые ссылался в своих исследованиях. В частности, он приводит вундтовское определение народного духа: в основе этого понятия лежит мысль, «что язык, обычаи и право представляют собой неразрывно связанные друг с другом проявления со-

⁶О серьезности увлечения Когена «психологией народов» и о влиянии этого направления на его этику и эстетику см.: (Beiser, 2018, p. 21–39, 236, 252). О значении идей Лацаруса и Штейнталя для Зиммеля см.: (Beiser, 2011, p. 472–479). Для Виндельбанда это учение стало отправным пунктом для принципиального различения идиографического и номотетического методов. Первым должна пользоваться «психология народов», или «социальная психология», как со временем предпочитал называть эту науку Виндельбанд, чтобы избежать ассоциаций с Вундтом и его «Психологией народов» (Gundlach, 2017, S. 151–152).

articles in the “Journal of Folk Psychology and the Science of Language” (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) brought out by Moritz Lazarus and Heymann Steinthal.⁷ Alekseev’s formative period as a philosopher saw the start of the publication of the ten-volume *Völkerpsychologie* (1910–1920) by Wilhelm Wundt, whose works Alekseev followed and cited in his research. In particular, he cites Wundt’s definition of the people’s spirit, based on the idea that “language [...], like customs and law, are inseparably connected manifestations of communal life”⁸ (Wundt, 1912, p. 65; cf. Alekseev, 1918, p. 89). This may account for Alekseev’s attention to Russian proverbs and sayings, an interest he developed no later than 1923, of which there is documented proof.⁹ This turn toward *Völkerpsychologie* may have led him to embrace Eurasianism, the new intellectual movement which arose in the Russian émigré community in the early 1920s.

2.2. The Eurasian Period

Alekseev joined Eurasianism in 1926; that is, not from the very beginning, but before what became known as “the Clamart schism” of 1928–1929 which split this intellectual movement into the left (Paris, pro-Soviet) and right (Prague, Orthodox) (Nazmutdinov, 2017,

⁷On the seriousness of Cohen’s interest in “folk psychology” and the impact of this trend on his ethics and aesthetics, see Beiser (2018, pp. 21-39, 236, 252). On the influence of the ideas of Lazarus and Steinthal on Simmel, see Beiser (2011, pp. 472-479). For Windelband, this doctrine was the starting point of the fundamental distinction between idiographic and nomothetic methods. The former should be used in “folk psychology”, or “social psychology”, as Windelband eventually preferred to call this discipline, in order to avoid association with W. Wundt and his *Völkerpsychologie* (Gundlach, 2017, pp. 151-152).

⁸“[...] daß die Sprache [...] wie Sitte und Recht [...] untrennbar aneinander gebundene Äußerungen des gemeinsamen Lebens sind” (Wundt, 1911, p. 60).

⁹See the final section of this article on p. 168.

вместной жизни людей» (Вундт, 1912, с. 66; см.: Алексеев, 1918, с. 89). Отсюда, вероятно, и при-
стальное внимание Алексеева к пословицам и
поговоркам русского народа, возникшее, как
свидетельствуют документы эпохи, не позднее
1923 г.⁷ Можно предположить, что именно по-
ворот к *Völkerpsychologie* вовлек его затем в но-
вое интеллектуальное течение, появившееся в
русской эмиграции в начале 1920-х гг., — евра-
зийство.

2.2. Евразийский период

К евразийству Алексеев присоединился в
1926 г., то есть не с самого начала, но до так на-
зываемого «Кламарского раскола» 1928–1929 гг.,
разделившего это идейное движение на ле-
вое (парижское, просоветское) и правое (праж-
ское, ортодоксальное) крыло (Назмутдинов,
2017, с. 351). Алексеев присоединился к правому
крылу, возглавляемому Петром Николаевичем
Савицким, с которым его связывали дружеские
отношения и который, вероятно, привлек его в
евразийство (см. подробнее: Там же, с. 351–357).

Еще до эмиграции Алексеев выдвинул тезис
об укорененности формы правления в полити-
ческих представлениях народа: «Основанием
самодержавной власти служит не какой-нибудь
юридический акт, но нравственное признание
подданных, основанное на моральных и рели-
гиозных идеалах народа» (Алексеев, 1918, с. 145).
Примкнув к евразийству, он возвращается к
этому вопросу в серии статей, опубликованных
в журнале «Путь. Орган русской религиозной
мысли» (Алексеев, 1926; 1927а; 1927б). Выбороч-
но содержание этих публикаций легло в основу
его немецкой статьи (Alexejew, 1931).

Статья «Русский народ и государство», опу-
бликованная в августе 1927 г., была результа-
том полемики Алексеева с Н. А. Бердяевым:
Алексеев полагал, что форма государства хри-
стианину не безразлична (Аржаковский, 2000,

p. 351). Alekseev joined the right wing led by
his friend Pyotr N. Savitsky, who apparently
introduced him to Eurasianism (for more
details, see *ibid.*, pp. 351-357).

Even before his emigration, Alekseev
(1918, p. 145) put forward the thesis that
the form of government is rooted in the
people's political attitudes: "The foundation
of autocratic power is not a legal act, but the
moral recognition its subjects, based on the
moral and religious ideals of the people." After
joining Eurasianism, he revisited this issue in a
series of articles published in the journal "*Put'*
[*The Way*], *Organ of Russian Religious Thought*"
(Alekseev, 1926; 1927a; 1927b). Selected parts
of these publications formed the basis of his
German-language article (Alexejew, 1931).

The article, "The Russian People and the
State", published in August of 1927, was a
spin-off of Alekseev's polemic with Nikolai
A. Berdyaev: Alekseev maintained that the
Christian was not indifferent to the form of
government (Arjakovsky, 2000, p. 150; *cf.*
Alekseev, 1927b), pointing to four components
of the Russian people's political ideal: "1) the
idea of Orthodox rule-of-law monarchy; 2) the
idea of dictatorship; 3) the idea of Cossack
anarchy; 4) the idea of a sectarian conception
of the state" (Alekseev, 1998b, p. 83). All four
points were later included in the German
article.

In the brochure, *On the Ways to the Future
Russia* (1927), he claims that the old, pre-
Petrian "intelligentsia preaching the ideals
of Orthodox asceticism" "lacked purely
political ideals" (Alekseev, 1998a, p. 294):
"The religious-moral ideal was understood as
belonging to the sphere of personal morality,
as a personal feat" (*ibid.*, p. 293). This ideal
underpinned the positive political ideal of the
Russian people, the so-called "Moscow truth"
(Alekseev, 1998b, p. 92), in which Alekseev
identifies three components: "the *personal*,

⁷См. последний раздел настоящей статьи на с. 168–169.

с. 150; см.: Алексеев, 1927б), и указал на четыре составляющие русского народного политического идеала: «1) идея православной правовой монархии; 2) идея диктатуры; 3) идея казацкой вольницы; 4) идея сектантского понимания государства» (Алексеев, 1998б, с. 83). Все четыре пункта вошли затем в немецкую статью.

В брошюре «На путях к будущей России» (1927) он регистрирует у старой, допетровской «интеллигенции, исповедующей идеалы православного аскетизма», «отсутствие чисто политических идеалов» (Алексеев, 1998а, с. 294): «Религиозно-нравственный идеал понимался преимущественно как относящийся к сфере личной нравственности, как личный подвиг» (Там же, с. 293). На этом идеале выстраивался у русского народа положительный политический идеал — так называемая «московская правда» (Алексеев, 1998б, с. 92), в которой Алексеев выявляет три составляющие: «личный, нравственный смысл», требовавший «внутренней работы над собою»; «социально-экономический смысл», требовавший «согласования фактического уклада жизни с правилами евангельской любви»; «политический смысл», требовавший «преобразования московской монархии в государство правовое» (Там же, с. 93). Алексеев полагает, что в результате проникновения в Россию «западного просвещения» те русские люди, которые «стали искать жизненной правды», руководствуясь его идеями, «забыли об идеале личного совершенствования» (Алексеев, 1998а, с. 293), и это привело к расхождению между «прогрессивной интеллигенцией» и народом.

Наконец, нужно выяснить, какое содержание Алексеев вкладывает в понятие «народ», определение которого не вошло в немецкоязычную статью. Алексеев устанавливает единство, или «родство», между разными слоями общества и поколениями в «исконных стремлениях русской души», то есть в отношении к политическому идеалу. По его мнению, эти

moral meaning” which demanded “inner work on oneself”; the “socio-economic meaning”, which demanded “harmonising the actual way of life with the rules of evangelical love”; and the “political meaning”, which demanded “the transformation of the Moscow monarchy into a law-governed state” (*ibid.*, p. 93). Alekseev (1998a, p. 293) claims that, as a result of the penetration of “Western enlightenment” into Russia, those Russians who “started seeking life truth” in accordance with these ideas “forgot the ideal of personal self-improvement”, which created a cleavage between “the progressive intelligentsia” and the people.

Finally, we should clarify the content with which Alekseev invests the concept of “the people”, a term which is not defined in the German-language article. Alekseev posits a unity, or “kinship” between different social strata and generations in terms of “the intrinsic strivings of the Russian soul”, i.e. in the attitude toward a political ideal. In his view, these intrinsic strivings are characteristic “not only of the intelligentsia of the Petersburg period, but are equally dear to the old Muscovite, educated and uneducated alike” (Alekseev, 1998b, p. 83). He gives a clearer definition in the 1927 article, “Eurasianists and the State”: the people is “a coalescence of historical generations” (Alekseev, 1998c, p. 182). His programmatic work “The Theory of the State” (1931) has a whole chapter devoted to the concept of “the people” (*narod*). Its underlying thesis is that “the people [...] is a *psychic being*” (Alekseev, 1998d, p. 431). Alekseev then approaches the concept of ‘nation’ by referring to the organic unity of the people (*ibid.*), and frames a definition thus: “A nation is the unified community of all individuals who, in their own way, reflect the features of national life in their circumstances” (*ibid.*, p. 442).

Alekseev (1930, pp. 101-102) sees his own — Eurasian, normative — political ideal as a

исконные стремления свойственны «вовсе не одной интеллигенции петербургского периода, но столь же дорогие старому московскому и просвещенному, и непросвещенному человеку» (Алексеев, 1998б, с. 83). В статье «Евразийцы и государство», тоже опубликованной в 1927 г., он дает более четкое определение: народ — это «совокупность исторических поколений» (Алексеев, 1998в, с. 182). В программной работе «Теория государства» (1931) целая глава посвящена понятию «народ». Ее исходный тезис — «народ... *существо психическое*» (Алексеев, 1998г, с. 431). Далее Алексеев подходит к понятию «нация» через указание на органическое единство народа (Там же) и формулирует определение: «Нация есть соборное единство всех индивидуумов, своеобразно отображающих в своих состояниях особенности национальной жизни» (Там же, с. 442).

Собственный — евразийский, нормативный — политический идеал Алексеев видит в сочетании лучших черт буржуазного и социалистического общественного устройства: «охрана свободы» человека, как в буржуазных обществах, что позволяет проявляться и раскрываться творческой активности гражданина, вовлекающей его в общественное строительство, и «социальная помощь», то есть улучшение «материальных условий существования людей», к чему стремятся социалистические общества (Алексеев, 1930, с. 101–102; см.: Загирняк, 2020). Статью «Русский народ и государство» он также заканчивает формулировкой политического идеала, учитывающего исконные стремления русского народа: «Будущее принадлежит *православному правовому государству*, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде» (Алексеев, 1998б, с. 116).

Впоследствии Алексеев признал за советским общественным устройством ту государственную форму, которой на практике удалось

combination of the best traits of the bourgeois and socialist social systems: the “protection of freedom” of the human being, as in bourgeois societies, which stimulates the creative activity of the individual, involving him or her in the building of society; and “social support”, i.e. improvement of “the material conditions of people’s lives”, the goal that socialist society seeks (*cf.* Zagirnyak, 2020). He ends the article, “The Russian People and the State”, by formulating the political ideal that takes into account the traditional aspirations of the Russian people: “The future belongs to the *Orthodox law-governed state* which will manage to combine firm power (the dictatorship element) with the people’s rulership (the element of liberty) and service to social truth” (Alekseev, 1998b, p. 116).

Later, Alekseev conceded that the Soviet social system was a state form that had, in practice, succeeded in overcoming the Russian people’s anarchic tendencies and provided the political school which he lacked for such an achievement. On 11 March 1959, he wrote to Savitsky from Geneva:

Ilyich¹⁰ introduced to Marxism a new interpretation, but it cannot be called “Eurasian”. His politically genius insight was that he understood the predilection towards his political ideal (or rather, to socio-political programme) of poor, impoverished peoples, and not peoples who had become rich. [...] Among American barbarians, Europeanism had taken on an exaggeratedly farcical character. Russians are an old people, may God forbid them to fall into Americanism.

[...] I despise Americanism as a caricature of Europeanism; I love Descartes and Pascal, Kant and Hegel; I love the Italian Renaissance, the Sorbonne and Oxford; I love the category of *moderation* as Aristotle’s principal virtue and contrast it with Russian immoderation, both that of the intelligentsia and that of the “schismatics”, which leads to chaos. I think the

¹⁰The reference is to Vladimir Ilyich Lenin.

преодолеть анархическую тенденцию русского народа, и ту политическую школу, которой ему не хватало для такого преодоления. Одиннадцатого марта 1959 г. он писал Савицкому из Женевы:

Ильич⁸ внес в марксизм новое истолкование, но «евразийским» его назвать нельзя. Его политически гениальной мыслью было то, что он понял предрасположенность к своему политическому идеалу (вернее, к соц<и>ально->полит<ической> программе) бедных, нищенских народов, а не народов разбогатевших. <...> У американских варваров европеизм достиг преувеличенно анекдотического характера. Русские — народ старый, избави Бог им впасть в американизм.

<...> Презираю американизм как анекдотическое выражение европеизма, люблю Декарта и Паскаля, Канта и Гегеля, люблю итальянский Ренессанс, Сорбонну и Оксфорд, люблю категорию *меры* как основную добродетель Аристотеля и противопоставляю русской безмерности, как интеллигентской, так и «раскольничьей», приводящей к хаосу. Думаю, что советский режим научил русских *мере* и порядку как основной добродетели и отучил от «неистовства» («Дорогой...», 2017, с. 376).

3. К истории публикации статьи в журнале «Восточная Европа»

Выход в свет статьи Алексева «Происхождение политических идеалов русского народа» (Alexejew, 1931) подвел своего рода итог почти пятнадцатилетним размышлениям над темой, указанной в названии статьи. Первые мотивы, как мы видели, восходят к публикациям 1917–1918 гг. о народном бунте и анархизме в России. Следующим по времени документально подтвержденным указанием на продолжение этой работы можно считать доклад Б. П. Выше-славцева, прочитанный в ноябре 1923 г. в Риме на конференции, организованной итальян-

⁸ Имеется в виду Владимир Ильич Ленин.

Soviet regime has given the Russians a sense of *moderation* as the main virtue, and turned them away from “frenzy” (Ermishin and Nazmutdinov, 2017, p. 376).

3. On the History of the Publication of the Article in the Journal “*Osteuropa*”

The publication of Alekseev’s article, “The Origin of the Russian People’s Political Ideals” (Alexejew, 1931), summed up, as it were, the results of almost fifteen years of reflections on the theme indicated in this article’s title. As we have seen, early signs appeared in publications from 1917–18 about the people’s revolt and anarchism in Russia. The next documented evidence that this work continued is arguably the report delivered by Boris Vysheslavtsev (1995, p. 121n1) in Rome in November of 1923, at a conference organised by the Italian Eastern Europe Institute. In it, Vysheslavtsev mentions Professor Alekseev who had reminded him of the *bylina* (heroic epic) about Ilya Muromets, which is marked by “positive clairvoyance”: it prophetically presents “the whole picture of the Russian revolution” (*ibid.*, p. 116). The same epic, also with a reference to its prophetic character, is discussed in Alekseev’s article published in the journal “*Put*” (Alekseev, 1927b, pp. 50-51; 1998b, pp. 106, 118n85), and again in his German article (Alexejew, 1931, p. 324; cf. Alekseev and Dmitrieva, 2025, pp. 192-193).

In 1927, Alekseev gave several lectures on a similar theme: according to a notice in the newspaper, “*Latest News*”, there was to be given a lecture on “The Political Ideals of the Russian People” at the Eurasian Seminar in Paris on 10 January (Anonymous, 1927a). The newspaper “*Rul*” announced a lecture in German, entitled, “*Die politischen Anschauungen des russischen Volkes*” (“The Political Views of the Russian People”), which

ским Институтом Восточной Европы (Вышеславцев, 1995, с. 121, примеч. 1). В нем Вышеславцев сослался на профессора Алексева: тот подсказал ему былинку об Илье Муромце, которая «обладает положительным ясновидением» — в ней пророчески представлена «вся картина русской революции» (Там же, с. 116). Этот же сюжет также с указанием на его пророческий характер выведен в статье Алексева, опубликованной в журнале «Путь» (см.: Алексеев, 1927б, с. 50–51; 1998б, с. 106, 118, примеч. 85), а затем и в его немецкой статье (см.: Alexejew, 1931, S. 324; ср.: Алексеев, Дмитриева, 2025, с. 192–193).

В 1927 г. Алексеев выступил с несколькими тематически близкими докладами: согласно анонсу газеты «Последние новости», в Евразийском семинаре в Париже 10 января должен был состояться доклад «Политические идеалы русского народа» (Вести..., 1927). Газета «Руль» анонсировала доклад на немецком языке «Die politischen Anschauungen des russischen Volkes» («Политические воззрения русского народа»), который должен был быть прочитан в Русском научном институте в Берлине (далее — РНИ) 9 февраля (1-я лекция) (В Русском..., 1927а) и 16 февраля (2-я лекция) (В Русском..., 1927б) в рамках цикла научно-популярных лекций, стартовавшего 24 января (В Русском..., 1927в). На 9 и 16 июня там же был запланирован доклад «Идея диктатуры, демократии и правового государства в политических воззрениях русского народа» (Chronik..., 1999, S. 321 (№ 5225), 322 (№ 5237)), а на 15 июня — доклад на немецком языке: «Die Besonderheit der russischen Geschichte» («Особенность русской истории») (Ibid., S. 314 (№ 5235)). Двадцать восьмого февраля 1928 г. Алексеев выступил на немецком языке с докладом «Besonderheiten in der russischen Staatsentwicklung» («Особенности в развитии русского государства») (Ibid., S. 345 (№ 5628)), в котором также могли затрагиваться вопросы, позднее вошедшие в статью 1931 г., —

was to be given at the Russian Scientific Institute in Berlin (elsewhere RSI) on 9 February (Lecture 1) (Anonymous, 1927b) and on 16 February (Lecture 2) (Anonymous, 1927c) as part of a series of popular science lectures that had been launched on 24 January (Anonymous, 1927d). The lecture, “The Idea of Dictatorship, Democracy and the Law-Governed State in the Political Views of the Russian People”, was scheduled for 9 and 16 June (Schlögel *et al.*, 1999, pp. 321 (№ 5225) and 322 (№ 5237)), and the lecture in German, “Die Besonderheit der russischen Geschichte” (“The Peculiarity of Russian History”), was scheduled for 15 June (*ibid.*, p. 314 (№ 5235)). On 8 February 1928, Alekseev gave in German a lecture on “Besonderheiten in der russischen Staatsentwicklung” (“Peculiarities in the Development of the Russian State” (*ibid.*, p. 345 (№ 5628))), which also may have touched on the issues that would later be included in the 1931 article — for example, the problems of the establishment and stability of an absolute monarchy in Russia.

It is not unlikely that the final framework of the article took shape in the lecture “Die sozialutopischen Ideale des russischen Volkes” (“The Social Utopian Ideals of the Russian People”), which was also given in German on 5 June 1930 (*ibid.*, p. 405 (№ 6576)).

The name of the German specialist in Slavic studies who invited Alekseev to write an article for the Berlin-based journal “Osteuropa” (“Eastern Europe”) is not known; but it may have been Otto Hoetzsch (1876–1946), the founder (in 1925) and chief editor of the journal until 1935, or some member of his staff. Besides, Hoetzsch was one of the organisers of the RSI in Berlin on the German side and, as mentioned above, Alekseev actively collaborated with the Institute, including by giving lectures in German. Hoetzsch

например, проблемы оформления и устойчивости в России абсолютистско-монархического правления.

Можно предположить, что рамки статьи окончательно определились в докладе «Die sozialutopischen Ideale des russischen Volkes» («Социально-утопические идеалы русского народа»), прозвучавшем также в РНИ на немецком языке 5 июня 1930 г. (Ibid., S. 405 (№ 6576)).

Неизвестно, кто именно из немецких славистов пригласил Алексева написать статью для берлинского журнала «Восточная Европа», но можно предположить, что это был Отто Хётч (1876–1946), основатель (в 1925 г.) и до 1935 г. главный редактор журнала, или кто-то из его сотрудников. Кроме того, Хётч был одним из организаторов РНИ в Берлине с немецкой стороны, а с этим Институтом, как было показано выше, активно сотрудничал Алексеев, выступая в том числе с докладами на немецком языке. Хётч продолжал курировать РНИ до 1933 г.⁹ и как вице-президент Немецкого общества по изучению Восточной Европы, и в силу собственных научных интересов. С первого появления работ Н. С. Трубецкого, заложивших основу нового течения — евразийства, он, как признавался сам, присматривался «к этим так называемым “евразийцам”» (Hoetzsch, 1925, S. 3) и даже написал предисловие к немецкому переводу сочинения Трубецкого «Европа и человечество» (1920), вышедшему в Мюнхене в 1922 г., хотя и не разделял полностью взгляды евразийцев на историко-культурное положение России «между» Европой и Азией, полагая, что Россия «принадлежит к Европе, в гораздо большей степени, чем к Азии, несмотря на все явления переходного периода» (Ibid., S. 4). Было бы неверно утверждать, что Хётч впоследствии уделял преувеличенно много внимания евра-

⁹ См.: (Unser, 1975, S. 568–569). О роли Хётча в организации Института и его значении для изучения русской истории и культуры в Германии см.: (см.: Михальченко, Ткаченко, 2017, с. 96; Резвых, Цыганков, 2022, с. 91–95).

continued to curate the RSI until 1933,¹¹ both in his capacity as Vice President of the German Society for the Study of Eastern Europe, and in pursuit of his own research interests. From the very first publications of Nikolai S. Trubetzkoy, which laid the foundation for the new movement — Eurasianism — as he admitted himself, he kept a close eye on “these so-called ‘Eurasians’”¹² (Hoetzsch, 1925, p. 3). He even wrote a foreword to the German translation of Trubetzkoy’s work, *Europe and Mankind* (1920), which was published in Munich in 1922, even though he did not entirely share the Eurasianists’ views on the historical-cultural positioning of Russia “between” Europe and Asia, believing that “Russia, despite all the appearances of transition, belongs far more to Europe than to Asia!”¹³ (ibid., p. 4). It would be wrong to say that Hoetzsch subsequently paid too much attention to Eurasianism. During his time as chief editor of the journal, of the texts written by Eurasianist authors, apart from Alekseev, we can mention philosopher Lev P. Karsavin’s article about the essence of Russian Orthodoxy (1925, vol. 1, no. 2), and several articles by the jurist Lev M. Zaitsev on social-legal issues in the Soviet Union (Anonymous, 1975, pp. A470-A471). True, the journal included some detailed coverage of the “Clamart schism” within the Eurasianist movement and mentioned its protagonists, including Alekseev (M. v. K., 1929), and published an article by the poet and philologist Mikhail G. Gorlin, “Philosophical-Political Currents in the Russian Émigré Community”, which focused on Eurasianism

¹¹ See Unser (1975, pp. 568-569). On Hoetzsch’s role in organising the RSI and its significance for the study of Russian history and culture in Germany, see Mikhalchenko and Tkachenko (2017, p. 9), Rezvykh and Tsygankov (2022, pp. 91-95).

¹² Cf. “Ich habe eben jene sogenannte ‘Eurasier’ im Auge.”

¹³ Cf. “[...] Russland gehört trotz aller Übergangerscheinungen sehr viel stärker zu Europa als zu Asien!”

зийству. В журнале «Восточная Европа» в период редакторства Хётча из текстов, вышедших из-под пера авторов-евразийцев, помимо Алексева, можно указать только на статью философа Льва Платоновича Карсавина о сущности русского православия (1925, т. 1, № 2) и несколько статей юриста Льва Моисеевича Зайцева по социально-правовым вопросам в Советском Союзе (см.: «Osteuropa»..., 1975, S. A470–A471). Правда, довольно подробно был освещен «Клармарский раскол» в движении евразийцев с упоминанием его главных протагонистов, включая Алексева (М. v. K., 1929), а также опубликована статья поэта и филолога Михаила Генриховича Горлина «Философско-политические течения в русской эмиграции», в которой преимущественное внимание было уделено евразийству и его главным идеологам — Н. С. Трубецкому, П. Н. Савицкому, Г. В. Вернадскому, Л. П. Карсавину, П. П. Сувчинскому и Н. Н. Алексеву (Gorlin, 1933, S. 281–287), а учитывая время ее публикации — февраль 1933 г., она, по сути, подводила итог развитию этого движения и в особенности его участию в немецкой интеллектуальной истории.

Стиль, в котором выстраивали свои размышления евразийцы, в частности Алексей, также не был чужд главному редактору «Восточной Европы». Подобно евразийцам, он привычно пользовался понятийным аппаратом *Völkerpsychologie*¹⁰ и при этом признавался в симпатии к Канту, говоря о необходимости взаимопонимания между немецкой и русской культурами и обусловленных ею задачах журнала:

Соприкосновение и столкновение со славянским, восточным духом должны проявиться с особой силой... в борьбе за мировоззрение

¹⁰Фриц Эпштейн отмечает, что восторженное поздравление Хётчем президента Немецкого общества по изучению Восточной Европы Фридриха Шмидт-Отта (1860–1956) с семидесятилетием содержало, по сути, «признание в приверженности некой *Völkerpsychologie*» (Epstein, 1975, S. 544).

and its main ideologists: N.S. Trubetzkoy, P.N. Savitsky, G.V. Vernadsky, L.P. Karsavin, P.P. Suvchinsky and N.N. Alekseev (Gorlin, 1933, pp. 281-287). Considering the time of its publication (February 1933) it effectively drew a line under the movement, and especially its participation in German intellectual history.

The style in which the Eurasianists, and Alekseev in particular, structured their reflections was also not alien to the editor-in-chief of “*Osteuropa*”. Like the Eurasianists, he routinely used the conceptual apparatus of *Völkerpsychologie*,¹⁴ and did not hide his sympathy for Kant, urging the need for mutual understanding between the Russian and German cultures, and the journal’s task in this respect:

The contact and confrontation with the Slavic, Eastern spirit must be strong [...] in the struggle over worldview and religion, amidst the intellectual upheavals into which we are caught up, the contact and confrontation precisely with the religious forces of the Russian soul, with that which determines the greatest works of the poets of the Russian soil [...].

Germany brings to this contact its heritage and assets in the shape of its rigorous scientific methodology and its classical, ethical idealism. “There is no bridge leading from Dostoyevsky to Kant,” these words of the late Ernst Troeltsch still ring in my ears. It seems to me that the problem is always posed incorrectly. The question is whether a bridge leads from Solovyov to Kant. We can only be presentient of the paths into these far distances, quietly open the gates leading there, but we must recognise this task, and we sense in it the world mission

¹⁴Fritz T. Epstein (1975, p. 544) notes that the exalted congratulations Hoetzsch sent to Friedrich Smidt-Ott (1860–1956) on his 70th birthday amounted to “recognition of adherence to a *Völkerpsychologie*” (“*ein Bekenntnis zu einer Völkerpsychologie*”).

и религию, в тех духовных потрясениях, в которые мы попали, — соприкосновение и столкновение именно с религиозными силами русской души, с тем, что определяет величайшие произведения поэтов русской земли...

В это соприкосновение Германия привносит наследие и достояние в виде своей строгой научной методологии, своего классического, этического идеализма. «От Достоевского к Канту не ведет никакой мост» — я до сих пор слышу эти слова из уст покойного Эрнста Трельча. Мне кажется, что проблема всегда ставится неверно. Вопрос в том, ведет ли мост от Соловьёва к Канту. Мы можем лишь предчувствовать пути в эту даль, тихо открывать ворота, ведущие туда, но мы должны осознать эту задачу и почувствовать в ней мировую миссию нашего народа и, возможно, также средства для исцеления израненной души нашего народа (Hoetzsch, 1925, S. 6).

Такому осознанию и поиску пути к взаимопониманию должна была, по всей видимости, служить и статья Алексева об истоках политических идеалов русского народа.

В переводе восстановлены аутентичные русские пословицы и поговорки¹¹. Язык перевода максимально приближен к словарному выбору Алексева в соответствующих русскоязычных статьях. Обнаруженные фактические ошибки исправлены и прокомментированы. В немецкоязычном тексте все цитаты даются без указания источника, поэтому в комментариях, насколько было возможно, по статьям Алексева 1920—1930-х гг. восстановлены источники, которыми он пользовался или мог пользоваться.

¹¹ Такой переводческий выбор обусловлен не только намерением переводчика максимально возможно восстановить аутентичность текста, но и необходимостью исправить неточности культурно-исторического плана. В частности, в упомянутой выше былине об Илье Муромце говорится о том, что обиженный князем богатырь стал обстреливать из лука золоченые маковки церковей (Алексеев, Дмитриева, 2025, с. 192—193, 202, примеч. 42, 43), а в немецком тексте вместо мавок, то есть куполов, — шпили / навершия башен (Turmspitzen) (см.: Alexejew, 1931, S. 324).

of our people and perhaps also the means to heal the scarred soul of our people¹⁵ (Hoetzsch, 1925, p. 6).

Alekseev's article on the origins of the Russian people's political ideals undoubtedly was, it would seem, intended to foster this recognition and search for a path towards mutual understanding.

The translation restores the authentic Russian proverbs and sayings.¹⁶ Factual errors have been found, corrected, and commented on. In the German text, the quotations are not provided with sources, which is why, as far as possible, the sources Alekseev used or may have used have been restored based on his articles of the 1920s and 1930s.

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00651 "Ontology of the Nation in Russian Neo-Kantianism", <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

¹⁵ Cf. "Die Berührung und Auseinandersetzung mit dem slawischen, östlichen Geiste wird auch im Kampf um Weltanschauung und Religion, in den geistigen Erschütterungen, in die wir geraten sind, stark sein müssen, Berührung und Auseinandersetzung eben mit den religiösen Kräften der russischen Seele, mit dem, was die größten Werke der Dichter russischer Erde bestimmt [...]. Zu dieser Berührung bringt Deutschland Erbe und Gut mit in seiner strengen wissenschaftlichen Methode, seinem klassischen, ethischen Idealismus. 'Es führt keine Brücke von Dostojewski zu Kant' noch höre ich dieses Wort aus dem Munde des verstorbenen Ernst Troeltsch. Mir scheint so das Problem immer falsch gestellt. Die Frage ist, ob eine Brücke führe von Ssolowjow hin zu Kant. Wir können nur eben erst die Wege ahnen in diese Fernen, die Tore leise öffnen, die dazu führen, aber die Aufgabe müssen wir erkennen, und wir spüren darin eine Weltmission unseres Volkes und vielleicht auch Mittel, die wund gewordene Seele unseres Volkes zu heilen."

¹⁶ This choice of translation was prompted not only by the translator's wish to restore the authentic text, but also by the need to correct cultural and historical inaccuracies. For example, while the story about Ilya Muromets says that the latter, slighted by the prince, begins shooting arrows at the gilded church domes (Alekseev and Dmitrieva, 2025, pp. 192-193, 201n42, 202n43), in the German text the domes are replaced by tower spires (Turmspitzen) (cf. Alexejew, 1931, p. 324).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

Список литературы

Алексеев Н. Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96. С. 2–5.

Алексеев Н. Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. М. : Тип. Императорского Московского университета, 1912. Ч. 1 : Механическая теория общества. Исторический материализм. (Ученые записки Московского университета. Отдел юридический. Вып. 38).

Алексеев Н. Н. Основные философские предпосылки психологической теории права Л.И. Петражицкого // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 5–23.

Алексеев Н. Н. Буржуазия // Народоуправство. 1917а. № 1. С. 4–7.

Алексеев Н. Н. Анархизм // Народоуправство. 1917б. № 2. С. 2–3.

Алексеев Н. Н. Современный кризис // Народоуправство. 1917в. № 17. С. 12–13.

Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М. : Изд. Московской просветительной комиссии, 1918.

Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. Симферополь : [б.и.], 1919а.

Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М. : Московское научное издательство, 1919б.

Алексеев Н. Н. Идея «Земного Града» в христианском вероучении // Путь. 1926. № 5. С. 20–41.

Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Путь. 1927а. № 6. С. 15–31.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство // Путь. 1927б. № 8. С. 21–57.

Алексеев Н. Н. Религия, право и нравственность. Paris : YMCA Press, 1930.

Алексеев Н. Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998а. С. 283–371.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998б. С. 68–119.

References

Alekseev, N.N., 1909. The Social Philosophy of Rudolf Stammeler. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 96(1), pp. 2-5. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1912. *Nauki obshchestvennye i estestvennye v istoricheskom vzaimootnoshenii ikh metodov. Ocherki po istorii i metodologii obshchestvennykh nauk* [The Social and Natural Sciences in the Historical Context of Their Methods. Essays on the History and Methodology of the Social Sciences]. Part 1: *Mekhanicheskaya teoriya obshchestva. Istoricheskij materializm* (Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta. Otdel yuridicheskii. Vyp. 38) [The Mechanical Theory of Society. Historical Materialism (Academic Writings of Moscow University. Department of Law, Issue 38)]. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1913. The Main Philosophical Premises of L. I. Petrażycki's Psychological Theory of Right. *Yuridicheskij vestnik* [Legal Bulletin], 4, pp. 5-23. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1917a. The Bourgeoisie. *Narodopravstvo* [The People's Rulership], 1, pp. 4-7. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1917b. Anarchism. *Narodopravstvo* [The People's Rulership], 2, pp. 2-3. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1917c. The Contemporary Crisis. *Narodopravstvo* [The People's Rulership], 17, pp. 12-13. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1918. *Vvedenie v izuchenie prava* [An Introduction to the Study of Law]. Moscow: The Moscow Educational Commission Press. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1919a. *Obshchee uchenie o prave. Kurs lekciy, pročitannykh v Tavricheskom universitete v 1918/19 godu* [General Theory of Right. Course of Lectures given at Taurida University in the Academic Year 1918/19]. Simferopol: s.n. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1919b. *Ocherki po obshchey teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoy nauki* [Essays on the General Theory of the State: Fundamental Premises and Hypotheses of State Science]. Moscow: Moscow Scientific Publishing House. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1926. The Idea of the 'Earthly City' in Christian Doctrine. *Put'* [The Way], 5, pp. 20-41. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1927a. Christianity and the Idea of Monarchy. *Put'* [The Way], 6, pp. 15-31. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1927b. The Russian People and the State. *Put'* [The Way], 8, pp. 21-57. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1930. *Religiya, pravo i нравственность* [Religion, Right and Morality]. Paris: YMCA Press. (In Rus.)

Alekseev, N.N., 1998а. On the Ways to the Future Russia (The Soviet System and Its Political Capabilities). In: N.N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 283-371. (In Rus.)

Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998в. С. 169–185.

Алексеев Н. Н. [Теория государства: теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал] // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998г. С. 386–624.

Алексеев Н. Н., Дмитриева Н. А. Николай Алексеев: Происхождение политических идеалов русского народа // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 4. С. 177–207. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-7>.

Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев : Феникс, 2000.

Богданова О. А. Об особенностях художественно-публицистического дискурса журнала «Народоправство» (1917–1918 гг.) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 184–203. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-184-203>.

В Русск<ом> Научн<ом> Институте // Руль. 1927а. 6 февр. №1881. С. 7.

В Русском Научном Институте // Руль. 1927б. 13 февр. №1887. С. 7.

В Русском Научном Институте // Руль. 1927в. 23 янв. № 1869. С. 8.

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012.

Вернадский В. И. Из истории идей // Русская мысль. 1912. Кн. 10, отд. 2. С. 123–138.

Вести отовсюду // Последние новости. 1927. 9 янв. № 2118. С. 2.

Вундт В. Проблемы психологии народов / [пер. Н. Самсонова]. М. : Космос, 1912.

Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер / публ. Н. К. Гаврюшина // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112–121.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

«Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961) / публ. О. Т. Ермишина, Б. В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. Кн. 7. С. 359–445.

Alekseev, N. N., 1998b. The Russian People and the State. In: N. N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 68-119. (In Rus.)

Alekseev, N. N., 1998c. Eurasianists and the State. In: N. N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 169-185. (In Rus.)

Alekseev, N. N., 1998d. [Theory of the State: Theoretical Studies of the State, State Structure, the Ideal of the State]. In: N. N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 386-624. (In Rus.)

Alekseev, N. N. and Dmitrieva, N. A., 2025. Nikolai N. Alekseev: The Origin of the Russian People's Political Ideals. *Kantian Journal*, 44(4), pp. 177-207. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-7>

Alexejew, N. N., 1931. Der Ursprung der politischen Ideale des russischen Volkes. *Osteuropa*, 6(6), pp. 313-328.

Anonymous, 1927a. News from All Over. *Poslednie novosti* [The Latest News], 2118 (9 January), p. 2. (In Rus.)

Anonymous, 1927b. In the Russian Scientific Institute. *Rul'* [Steering Wheel], 1881 (6 February), p. 7. (In Rus.)

Anonymous, 1927c. In the Russian Scientific Institute. *Rul'* [Steering Wheel], 1887 (13 February), p. 7. (In Rus.)

Anonymous, 1927d. In the Russian Scientific Institute. *Rul'* [Steering Wheel], 1869 (23 January), p. 8. (In Rus.)

Anonymous, 1975. "Osteuropa"-Aufsätze, 1925–1939. *Osteuropa*, 25(8/9), pp. A463-A475.

Arjakovsky, A., 2000. *Zhurnal "Put'" (1925–1940): pokolenie russkikh religioznykh mysliteley v emigracii* [The Journal "The Way" (1925–1940): A Generation of Russian Religious Thinkers in Exile]. Kiev: Feniks.

Beiser, F. C., 2011. *The German Historicist Tradition*. Oxford: Oxford University Press.

Beiser, F. C., 2018. *Hermann Cohen. An Intellectual Biography*. Oxford: Oxford University Press.

Bogdanova, O. A., 2018. On the Features of the Artistic and Publicistic Discourse in the Journal "The People's Rulership" (1917–1918). *Studia Litterarum*, 3(4), pp. 184-203. (In Rus.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-184-203>.

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" in Russia. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: 'Marburg' in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Rus.)

Epstein, F. T., 1975. Otto Hoetzsch und sein "Osteuropa" 1925–1930. *Osteuropa*, 25(8/9), pp. 541-554.

Загирняк М. Ю. Понятие национального государства в философии Н. Н. Алексеева эмигрантского периода // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 139–149. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-139-149>.

Ильин В. Н. Эйдократическое преобразование науки // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. [Париж] : Изд. евразийцев, 1931. С. 123–128.

Кант И. Критика чистого разума, 2-е изд. // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 2.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2. С. 48–56.

Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 94–103.

Назмутдинов Б. В. «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н. Н. Алексеева к П. Н. Савицкому (1957–1961). Предисловие // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. Кн. 7. С. 351–358.

Новгородцев П. И. Науки общественные и естественные. (Несколько замечаний по поводу книги Н. Н. Алексеева) // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 120. С. 716–722.

Резвых Т. Н., Цыганков А. С. С. Л. Франк и Русский научный институт в Берлине // История философии. 2022. Т. 27, № 2. С. 90–116.

Шавеко Н. А. Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021.

Alexejew N. N. Der Ursprung der politischen Ideale des russischen Volkes // Osteuropa. 1931. Bd. 6, H. 6 (März). S. 313–328.

Beiser F. C. The German Historicist Tradition. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Beiser F. C. Hermann Cohen. An Intellectual Biography. Oxford : Oxford University Press, 2018.

Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / hrsg. von K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin : Akademie Verlag, 1999.

Epstein F. T. Otto Hoetzsch und sein „Osteuropa“ 1925–1930 // Osteuropa. 1975. Bd. 25, H. 8/9. S. 541–554.

Gorlin M. Die philosophisch-politischen Strömungen in der russischen Emigration // Osteuropa. 1933. Bd. 8, H. 5. S. 279–294.

Ermishin, O. T. and Nazmutdinov, B. V., eds. 2017. “My Dear Friend Pyotr Nikolaevich”: Letters from N. N. Alekseev to P. N. Savitsky (1957–1961). *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad], 7, pp. 359–445. (In Rus.)

Gorlin, M., 1933. Die philosophisch-politischen Strömungen in der russischen Emigration. *Osteuropa*, 8(5), pp. 279–294.

Gundlach, H., 2017. *Wilhelm Windelband und die Psychologie. Das Fach Philosophie und die Wissenschaft Psychologie im Deutschen Kaiserreich*. Heidelberg: University Publishing.

Hoetzsch, O., 1925. Deutschland und Rußland. Ein Wort zur Einführung. *Osteuropa*, 1(1), pp. 1–8.

Ilyin, V. N., 1931. The Eudocratic Transformation of Science. In: *Tridtsatye gody. Utverzhdenie evraziyev* [The Thirties. The Assertion of Eurasianists], 7, pp. 123–128. (In Rus.)

Kant, I., 1996. An Answer to the Question: What Is Enlightenment? In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–22.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

M. v. K., 1929. Notizen. Der Zwist in der Eurasierbewegung. *Osteuropa*, 4(9), pp. 634–635.

Mikhailchenko, S. I. and Tkachenko, E. V., 2017. The Russian Scientific Institute in Berlin in the Memoirs and Correspondence of Russian Emigrants. *The Bryansk State University Herald*, 4(34), pp. 94–103. (In Rus.)

Nazmutdinov, B. V., 2017. “My Dear Friend Pyotr Nikolaevich”: Letters from N. N. Alekseev to P. N. Savitsky (1957–1961). Preface. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad], 7, pp. 351–358 (In Rus.)

Novgorodtsev, P. I., 1913. Social and Natural Sciences. (Some Remarks on N. N. Alekseev’s Book). *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 120, pp. 716–722. (In Rus.)

Rezvykh, T. N. and Tsygankov, A. S., 2022. S. L. Frank and the Russian Scientific Institute in Berlin. *History of Philosophy*, 27(2), pp. 90–116. (In Rus.)

Schlögel, K., Kucher, K., Suchy, B. and Thum, G., eds. 1999. *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Berlin: Akademie Verlag.

Shaveko, N. A., 2021. *Pravovoy ideal: kantianskaya traditsiya v ucheniyakh o spravedlivosti XX veka* [The Legal Ideal: The Kantian Tradition in Twentieth-Century Theories of Justice]. Second Edition. Moscow: Prospekt. (In Rus.)

Gundlach H. Wilhelm Windelband und die Psychologie. Das Fach Philosophie und die Wissenschaft Psychologie im Deutschen Kaiserreich. Heidelberg : University Publishing, 2017.

Hoetzsch O. Deutschland und Rußland. Ein Wort zur Einführung // Osteuropa. 1925. Bd. 1, H. 1. S. 1–8.

М. в. К. Notizen. Der Zwist in der Eurasierbewegung // Osteuropa. 1929. Bd. 4, H. 9. S. 634–635.

„Osteuropa“-Aufsätze, 1925–1939 // Osteuropa. 1975. Bd. 25, H. 8/9. S. A463–A475.

Unser J. „Osteuropa“: Biographie einer Zeitschrift // Osteuropa. 1975. Bd. 25, H. 8/9. S. 555–601.

Weber M. R. Stammlers „Überwindung“ der materialistischen Geschichtsauffassung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907. Bd. 24, H. 1. S. 94–151.

Wischeslawzeff B. Recht und Moral // Philosophische Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag / hrsg. von P. Natorp. Berlin : Cassirer, 1912. S. 190–202.

Об авторе

Нина Анатольевна Дмитриева, доктор философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Дмитриева Н. А. Русский неокантианец о народном политическом идеале в евразийской перспективе // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 4. С. 154–176.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-6>

© Дмитриева Н. А., 2025.

Unser, J., 1975. “Osteuropa”: Biographie einer Zeitschrift. *Osteuropa*, 25(8/9), pp. 555-601.

Vernadsky, V.I., 1912. From the History of Ideas. *Russkaya mysl' [Russian Thought]*, 10, section 2, pp. 123-138. (In Rus.)

Vysheslavtsev, B.P., 1995. Russian National Character. Edited by N.K. Gavryushin. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 112-121. (In Rus.)

Walicki, A., 1992. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Notre Dame, IN & London: University of Notre Dame Press.

Weber, M., 1907. R. Stammlers “Überwindung” der materialistischen Geschichtsauffassung. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 24(1), pp. 94-151.

Wischeslawzeff, B., 1912. Recht und Moral. In: P. Natorp, ed. 1912. *Philosophische Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag*. Berlin: Cassirer, pp. 190-202.

Wundt, W., 1911. *Probleme der Völkerpsychologie*. Leipzig: Ernst Wiegandt.

Zagirnyak, M. Yu., 2020. The Concept of the National State in Nikolay Alekseev’s Philosophy of His Emigrant Period. *Voprosy Filosofii*, 8, pp. 139-149. (In Rus.) <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-139-149>.

The author

Prof. Dr Nina A. **Dmitrieva**, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

To cite this article:

Dmitrieva, N. A., 2025. A Russian Neo-Kantian on the People’s Political Ideal from the Eurasian Perspective. *Kantian Journal*, 44(4), pp. 154-176.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-6>

© Dmitrieva N. A., 2025.

